

ПЕРЕД НАЧАЛОМ генеральной репетиции в Театре имени Моссовета Юрий Александрович Завадский сказал приглашенным, что пьесу Алексея Арбузова «Вечерний свет» поставил молодой режиссер Роман Виктюк и что это его дебют на столичной сцене. После чего начался спектакль, в котором происходили необыкновенные вещи.

Казалось бы, они не имели прямого отношения к арбузовской пьесе, с ее четко выстроенным конфликтом, достоверными и узнаваемыми характерами, точно подмеченными бытовыми подробностями. (Об этой пьесе «Комсомольская правда» уже писала в связи с постановкой ее в Малом театре, так что вряд ли есть нужда в пересказе — напомним только, что речь в ней идет о принципиальности журналиста, о его неотменяемом долге до конца бороться за справедливое дело). Как раз быта, в привычном смысле этого слова, в спектакле и не оказалось — то есть люди на сцене делали вроде бы все, что положено человеку делать на работе и дома, но режиссер густо отобрал из этих простых житейских дел то, из че-

На сцене — рассвет...

Дебют молодого
режиссера в Театре
имени Моссовета

го средствами театра можно извлечь поэтический смысл, поэтическое звучание.

Песенка — простенькая песенка, приятная мелодия, ничего в ней не было особенного, но я никак не мог понять, когда она начиналась, когда смолкала. Как в жизни, когда играет музыка, а мы, занятые чем-то, почти не слышим ее, хотя она и существует в нас и для нас. В сущности, это обычный режиссерский прием — музыка включается и выключается в те моменты, когда внимание зрителя занято чем-то другим, — однако выполнен он так мастерски, что рождает ощущение зрительского участия в

течении жизни, одной общей для сцены и зала.

У каждого из персонажей спектакля свои дела и заботы, нередко действие дробится, но наше внимание всегда отдано тем, кто в эту минуту имеет больше на него права, хотя и остальных мы тоже замечаем, так сказать, краем глаза. И это — как в жизни, где главное и второстепенное вот так же сливаются в нечто целое и цельное, образуя единый облик мира. Собственно, это тоже как будто не более, чем профессиональное умение органично соединить все линии пьесы, но ощущаешь грань, за которой владение

профессией переходит в искусство и из суммы режиссерских приемов возникает облик мира.

В результате центральный конфликт пьесы существует не сам по себе, но становится естественной частью окружающей его жизни, в которой важно все — и спасение леса от неумных администраторов, и поздняя любовь, и стихи Тютчева, прочитанные в предутренних сумерках на высоком берегу Волги. (Не было в этот момент на сцене ни Волги, ни берега, но каким-то непонятным образом создалось ощущение утра на реке — отказавшись от быта, режиссер сохранил тем не менее точность чувствований). Создается сложная и вместе с тем ясная для восприятия, «легко читаемая» многозвучная структура спектакля.

Я не говорю об актерах, хотя роли, сыгранные в «Вечернем свете» Л. Марковым, Г. Бортниковым, Г. Жженовым, Н. Богуновой, заслуживают самых добрых слов. Речь сейчас о дебюте режиссера — право же, столь удачных мы за последние годы можем насчитать не так уж много.

Ю. СМЕЛКОВ.